

УДК 339:620.9(560+575.4)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В 1990-е гг. И МЕСТО В НЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА

Н. Х. Худайбердиева,

аспирант

Белорусский государственный
университет

В статье рассматривается вопрос энергетической политики Турции в контексте развития туркмено-турецкого диалога в 1990-е гг. Проанализирован ряд факторов: экономический рост Анкары в 1980-е гг., участие в европейской интеграции, появление новых независимых республик в Центральной Азии, которые оказали большое влияние на развитие энергетических контактов и транзитного потенциала Туркменистана. Представлены перспективные направления энергетических контактов Турции и Туркменистана, а также сложности в данном направлении.

Ключевые слова: Турция, энергетика, экономика, Туркменистан, Каспий, трубопровод.

Введение

В 1990-е гг. Турецкая Республика вышла на уровень развитого государства, максимально использующего свои геополитические возможности. Быстрый экономический рост страны, начавшийся в 1980-е гг., развитие энергоемких отраслей производства, желание подключиться к общеевропейской интеграции привели к тому, что Анкара должна была пересмотреть свою внутреннюю и внешнюю энергетическую политику. Это решение совпало с глобальными геополитическими и экономическими изменениями, в том числе в мировом энергетическом секторе, которые наблюдались на рубеже 1980–1990-х гг.

Актуальность выбранной темы обусловлена ростом интереса мировой общественности и научных кругов к внешней политике Турции в постбиполярный период. В частности, особый интерес представляют попытки турецкого руководства получить ключевые позиции в энергетическом секто-

ре в качестве транзитной страны. Предпосылки в этой сфере Турция стала закладывать в 1990-е гг. вместе с реформированием внешней политики. Реформирование сопровождалось активизацией позиций страны в различных регионах, использованием элементов “мягкой силы” в своей внешнеполитической стратегии, энергетическим балансированием в отношениях между европейскими государствами, Россией, азиатскими государствами, в том числе Туркменистаном. Предпринятые в 1990-е гг. турецким руководством шаги предопределили эффективные результаты в 2000-е гг. Именно тогда Турция вошла в число стран с быстроразвивающейся экономикой, а внешнеполитический вектор страны приобрел свою индивидуальность, обусловленную ростом влияния Анкары в Азии.

Целью данного исследования является выявление особенностей энергетической политики Турции в контексте туркмено-турецкого диалога в 1990-е гг.

Основная часть

В конце 1980-х гг. внешняя политика Турции отдавала предпочтение контактам с европейскими государствами. Ключевым документом, регулирующим отношения стран Европейского экономического сообщества и Турции, стало Европейское соглашение 1963 г. об ассоциации между ЕЭС и Турцией. В соответствии со ст. 2 п. 1 Соглашения определялась цель договоренности: “содействие непрерывному и сбалансированному укреплению торговли и экономических отношений”, в частности, отмечалась необходимость обеспечения ускоренного развития экономики, ликвидация безработицы и улучшение условий жизни народа Турции [1]. Ассоциация Турции и ЕЭС охватывала три этапа: подготовительный, переходный и заключительный.

В течение подготовительного этапа Турция при поддержке ЕЭС укрепляла свою экономическую систему в соответствии с взятыми обязательствами [1]. Позднее попытки вступить в ЕЭС заканчивались неудачно, а после переворота в стране в 1980 г. страны Сообщества прекратили отношения с Анкарой.

В 1983 г. переговоры вновь возобновились. За восстановлением переговорного процесса последовали серьезные качественные изменения в экономике Турции. Так, если в 1980 г. экспорт продукции обрабатывающей промышленности составлял 36% то к 1990 г. этот показатель достиг отметки в 79,1%. Рост экспортного показателя стал доказательством реализации Турцией экспортноориентированной внешнеэкономической политики. Особое положение в этом направлении заняла легкая промышленность, в частности, упор делался на продажу одежды [2, с. 230].

Экономические преобразования в Турции требовали поиска новых партнеров для обеспечения энергетического сектора, разработки новых энергетических возможностей для быстрорастущей экономики.

Во внешней политике Турции в 1990-х гг. существовала одна проблема, осложнявшая энергетическую безопасность страны – необходимость присоединиться к санкциям ООН против Ирака в связи с войной в Персидском заливе в 1990–1991 гг. [3]. Это решение привело к прекращению закупок иракской нефти, поступающей через нефтепровод “Кируку-Юмурталык”. Транспортировка нефти из Ирака в Турцию была восстановлена только в 1996 г.

Экономический рост Турции совпал с разрушительными изменениями в Советском Союзе – процессом дезинтеграции, который привел к распаду страны и образованию на ее пространстве 15 новых независимых государств (ННГ) [4, с. 145].

Воспринимая новые возможности, которые открылись перед Турцией, политическое руководство страны и общественные круги стремились использовать различные механизмы для доступа к энергетическому рынку постсоветских государств Центральной Азии. Сближающим фактором в этом направлении становились исторически тесные связи стран региона и Турции в сферах религии, культуры и языка.

Кроме этого, Турция оказалась в числе стран, в которых на рубеже 1980–1990-х гг. проблемы мировой политики стали тесно переплетаться с энергетикой. Причин такой ситуации было несколько. Во-первых, стра-

ны с рыночной экономикой уже в 1970-е гг. чувствовали нехватку энергоресурсов, а рост экономики и благосостояния населения только усиливали энергодефицит. Во-вторых, в результате распада Советского Союза энергетические ресурсы ННГ стали объектом борьбы между энергопотребляющими странами. Особое внимание в вопросах поставок нефти и газа представляли страны Центральной Азии – Казахстан, Туркменистан.

На 1970–1980-е гг. пришелся пик расширения добычи газа в Туркменистане, которая осуществлялась на шельфе Каспия. Ранее, в 1940–1970-е гг., на территории Туркменистана было проложено 5 нефтепроводов пропускной мощностью более 30 млн тонн в год. В годы существования советской власти в Туркменистане были проведены геологоразведочные работы, разрабатывались месторождения и залежи нефти и газа. Благодаря строительству газопровода “Средняя Азия–Центр” месторождения Центральноазиатских республик смогли поставлять газ в центральные регионы СССР, в частности в РСФСР и УССР. Кроме того, для транспортировки энергетических ресурсов использовались различные комплексы, в том числе железнодорожные и портовые. Таким образом, Туркменистан, как страна с развитой энергодобывающей отраслью и большими запасами энергетических ресурсов, становился объектом повышенного интереса для турецких властей [5].

Турция с первых дней обретения независимости странами центральноазиатского региона стремилась привлечь внимание их лидеров к турецкой модели устройства государства. Реализуя свои намерения – установить тесные контакты с Туркменистаном, турецкая сторона использовала различные подходы. Широко применялись методы “мягкой силы” с использованием различных идеологических установок, которые сегодня выступают качественными характеристиками турецкой внешней политики – неоосманизм, пантюркизм [6, с. 76].

Анализируя внешнеполитический вектор Анкары в постбиполярный период, можно заметить, что государство пыталось подстроиться под новые реалии междуна-

родных отношений. Особые возможности для этого представились в странах Центральной Азии и вылились в стремление заполнить геополитический вакуум в этом регионе. Желание установить контроль над ним тесно связано с содержанием неофициальной доктрины внешней политики Турции [6, с. 76]. Сравнивая неоосманизм и пантюркизм, можно отметить, что первый термин гораздо шире второго. Он включает в себя неопантюркизм, панисламизм, турецкое евразийство, связи с арабскими государствами, Балканами, странами Азии и Африки. Понятие пантюркизм, как отмечает российский исследователь В.А. Аватков, предполагает ведущую роль Турции в поддержке мусульман от Байкала до Балкан. Турецкая помощь в рамках этой идеологии содержит разностороннее материально-финансовое содействие, включая строительство дорог, фабрик, аэропортов, а также содействие в развитии государств [6, с. 76].

Обе идеологические установки формировались под влиянием утраченных амбиций наследников Османской империи, пропитывая региональную стратегию современной Турции [7, с. 67].

Применение указанных идеологических установок в отношении Туркменистана в период формирования двусторонних контактов не принесло желаемых результатов. Активная позиция Турции в отношении Туркменистана отпугивала руководство страны во главе с С. Ниязовым.

Однако, несмотря на критическое отношение стран региона, Турция стремилась сформировать там свою “сферу доверия”, которая должна была стать единым “мостом” как к энергетическому рынку стран региона, так и к формированию собственной сферы влияния. Вплоть до середины 1990-х гг. Анкара активно использовала тюркский фактор с намерением получить статус региональной державы в евразийском пространстве – в странах с мусульманским населением.

Особенное стремление Турецкой Республики установить тесные контакты с Туркменистаном в энергетической сфере было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Турция традиционно стреми-

лась занять основное место страны-транзитера энергоресурсов из Азии и Европы. Во-вторых, Анкара испытывала желание установить свой геополитический контроль над регионом Центральной Азии. В-третьих, удержание регионального влияния повысило бы геополитический вес Турции среди европейских держав и США. В-четвертых, турецкие политики рассчитывали ослабить российское доминирование в СНГ Центральной Азии.

Интересным для Анкары представлялся и проект строительства трубопровода из Азербайджана. Как отметила российский исследователь А.Ю. Коломойцева, уже в 1992 г. в Азербайджане начались серьезные исследования для проработки проектов трубопроводов. В 1993 г. азербайджанское руководство приняло решение, что приоритетным направлением строительства трубопровода станет турецкий порт Джейхан. После этого в марте 1993 г. было достигнуто межправительственное соглашение Турции и Азербайджана [8, с. 104].

Используя свои возможности, Турция стремилась достичь успеха в энергетической сфере через тесное партнерство в рамках диалога тюркоязычных стран. В октябре 1994 г. в рамках тюркоязычного диалога Анкара сделала первую попытку установления энергетических контактов со странами Центральной Азии. В основе проекта лежала идея экспорта каспийской нефти и газа через турецкую территорию. Страны региона поддержали проект [9, с. 38].

Но при этом с неизбежностью обозначились противоречия между странами региона. Российский исследователь Е.П. Сучкова отметила, что цели Турции в 1990-е гг. воплотились в контексте развития ситуации в Каспийском регионе. Все же Анкара смогла создать Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), в состав которой вошли Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Иран, Турция и Узбекистан [9, с. 38].

После серии встреч тюркоязычных стран во второй половине 1990-х гг. начался переговорный процесс по строительству нефтепровода Баку–Джейхан. В отношении данного проекта неоднозначную позицию высказывал Казахстан. В результате Анкара

переклочилась на установление предпочтительных контактов с Ашхабатом [9, с. 38].

Организационно-техническим проводником данной политики стала турецкая государственная компания “Боташ”, которая импортировала в Турцию газ. Активная позиция компании по вопросам поставки природного газа, начиная с 1990-х гг., принесла свои результаты. Так, в августе 1994 г. “Боташ” заключила с Алжиром контракт на 30 лет на поставку 4 млрд м³ в год, в 1999 г. был заключен договор на 22 года с Нигерией на поставку 1,2 млрд м³ в год [10, с. 101].

В декабре 1997 г. усилия компании “Боташ” привели к достижению первой договоренности между Анкарой и Ашхабадом по этому вопросу. В мае 1999 г. стороны заключили рамочное соглашение, которое предусматривало реализацию поставок 16 млрд м³ газа в течение 30 лет по транскаспийскому маршруту поставок энергоресурсов [11, с. 86].

Но в это же время в условиях назревающего мирового энергетического кризиса центральноазиатский регион попал в поле зрения глобальных акторов. Во второй половине 1990-х гг. администрация США пересмотрела свою политику в Центральной Азии, в том числе определилась относительно природных ресурсов Каспийского бассейна. В частности, как отметил американский политолог В. Сокоп, именно США и Турция стали соорганизаторами проекта постройки газопровода для поставок газа из Туркменистана в Европу [12].

Деятельность США получила название “Стратегия Шелкового пути”. Основной упор делался на реформирование энергетического комплекса Центральной Азии на основе поддержки инициатив лидеров стран региона, а также закавказских государств с целью их вывода из-под российского влияния. Активную позицию при этом продемонстрировал министр энергетики США Ф. Пення, который в декабре 1997 г. отправил лидеру Туркменистана С. Ниязову документ с видением американского руководства в отношении существующих проблем по созданию инфраструктуры для транспортировки туркменских энергетических ресурсов на рынок [9, с. 38].

В то же время для Туркменистана приоритетным направлением энергетического экспорта определилось строительство газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Американская сторона, преследуя иные приоритеты, настаивала на том, что его реализация может быть осуществлена только после стабилизации ситуации в Афганистане. По мнению американской администрации, наиболее приемлемым для того периода был проект европейского газопровода по дну Каспийского моря через Азербайджан и Грузию в Турцию и Европу. Однако данный проект натолкнулся на противоречия между Азербайджаном и Турцией по вопросу принадлежности месторождения Сердар/Кяпаз [сноска]. Из-за этого терялись должные импульсы по развитию турецко-туркменского энергетического сотрудничества.

Одновременно значительно возрос транзитный потенциал Турции. Немаловажную роль в этом отношении сыграли и европейские потребители природного газа, желающие снизить долю поставок из России либо через российскую территорию. Строительство транскаспийского газопровода имело для Европы важное геополитическое значение.

Нельзя не отметить старания Турции реализовать и другие проекты в регионе Центральной Азии и на Кавказе для обеспечения своей энергетической безопасности.

Турецкие политические круги не упускали возможности установить энергетические контакты с Россией. Так, 15 декабря 1997 г. между правительствами Российской Федерации и Турецкой Республики было подписано масштабное Соглашение о поставках природного газа. Документ также был направлен на строительство объектов газовой, газохимической промышленности, строительство электростанций, газопроводов и подземных хранилищ для него, на совместную модернизацию и строительство нефтеперерабатывающих заводов. Кроме того, стороны договаривались расширить контакты в угольной промышленности [13].

С подписания межправительственного соглашения началась история строительства еще одного магистрального газопровода –

“Голубой поток”. Общая протяженность энергетической трассы составила 1236 км, первые поставки для его реализации произошли в феврале 2003 г. [14]. Именно строительство “Голубого потока” увеличило транзитные возможности Турции, усилило амбиции страны за место регионального лидера.

Еще одним направлением внешней энергетической политики Турции стал проект ирано-турецкого газопровода, который выступал в качестве ветви проекта “Nabucco”. Первые газовые поставки по данному газопроводу стали осуществляться в 2001 г. [14].

И все же приоритетным направлением для турецкой энергетической дипломатии продолжал оставаться проект в обход России при участии Казахстана, Азербайджана, Грузии с перспективой подключения в нему Туркменистана. При поддержке США Турция смогла добиться подписания 29 октября 1998 г соответствующей декларации. Участие в ее подписании приняли лидеры Азербайджана Г. Алиев, Грузии Э. Шеварднадзе, Казахстана Н. Назарбаев, Турции С. Демирель, Узбекистана И. Каримов. Подписание декларации происходило в присутствии министра энергетики Соединенных Штатов Б. Ричардсона, что говорило о заинтересованности Вашингтона в реализации проекта [11, с. 86].

Подобные шаги со стороны американской администрации говорили о том, что у Вашингтона растет заинтересованность в усилении влияния в этом регионе не только с точки зрения экономики. Особое значение имел геополитический аспект, нацеленный на ослабление в дальнейшем влияния России, КНР и Ирана в регионе [15, р. 33].

Следующим шагом в реализации проекта нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан стало подписание соглашения о транспортировке нефти через территорию Азербайджана, Грузии и Турции. Отдельным документом была подписана Декларация между Азербайджаном, Грузией, Турцией, Казахстаном и Туркменистаном. Документ получил название Стамбульская декларация.

Одновременно в 1998 г, во время саммита ЕС, Турция получила статус кандидата

на вступление в ЕС, после чего начался процесс реформирования ее энергетического комплекса в соответствии с европейскими требованиями [16, с. 30].

Изоляционистская политика, проводимая туркменским руководством во главе с С. Ниязовым, не всегда вписывалась в реализацию региональных энергетических проектов. В 1990-е гг Туркменистан стремился разработать и реализовать несколько вариантов трубопроводов, не совсем коррелирующих геоэкономически с названными выше. Среди них – Туркменистан–Иран–Турция–Европа, Туркменистан–Афганистан–Пакистан, Туркменистан–КНР [17, с. 108].

Заключение

Таким образом, современная энергетическая дипломатия Турции начала формироваться на рубеже 1980–1990-х гг, что связывалось с началом дезинтеграционных процессов в СССР, войной в Персидском заливе, ростом зависимости развитых стран от поставок энергоносителей. Данный фактор мотивировал турецкое руководство на конкретные действия по совершенствованию энергетической дипломатии страны. Предпочтительное значение для развития энергетических контактов Анкары приобрели ресурсы и транзитные возможности государств Центральной Азии, Кавказа, Ирана, России, ряда африканских стран. Формирование контактов по поставкам углеводородов из этих стран нередко выпивалось в целый узел геополитических противоречий, вытекающих из стремления великих держав контролировать рынок энергоресурсов, использовать политическое и экономическое влияние Турции в своих интересах.

Энергетическая дипломатия Турции в отношении Туркменистана преследовала реализацию следующих направлений: диверсификация маршрутов энергопоставок из-за рубежа, увеличение транзитной роли страны за счет Туркменистана и с помощью данного механизма укрепление своих позиций на пространстве энергетической безопасности Европы. Однако туркменское направление для Турции не стало приоритетным, Анкара стремилась наладить контакты в энергетическом направлении с

Ираком, Казахстаном, Россией и Азербайджаном, пытаясь привлечь их внимание тем, что страна является ключевым звеном в транзитной цепочке из Азии в Европу. Двусторонние турецко-туркменские контакты изобиловали предложениями по развитию энергетического сотрудничества, но не всегда способствовали нахождению обоюдовыгодных решений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение, учреждающее Ассоциацию между Европейским Экономическим Сообществом и Турцией, Анкара, 12 сентября 1963 г. / Московская Государственная юридическая Академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/eea/aa_turkey.htm. – Дата доступа: 23.01.2019.
2. **Погорелов, А. М.** Переход от импортозамещения к экспортоориентированной модели развития экономики Турции в начале 1980-х гг. / А. М. Погорелов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – С. 227–235.
3. Резолюция 661 (1990), от 6 августа 1990 года / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/661\(1990\)](https://undocs.org/ru/S/RES/661(1990)). – Дата доступа: 24.01.2019.
4. **Сафонкина, Е. А.** Турция как новый актор политики “мягкой силы” / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 145–166.
5. **Матвеев, И. Е.** Энергетика Туркмении. Топливо-энергетический комплекс Туркмении / И. Е. Матвеев // Матвеев Игорь Евгеньевич. Заместитель Директора ВНИКИ, член Союза журналистов, к.э.н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://matveev-igor.ru/articles/385711>. – Дата доступа: 23.01.2019.
6. **Аватков, В. А.** Неосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В. А. Аватков // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
7. **Бурашников, А. Б.** Неопанторкизм и неосманизм во внешней политике Турции / А. Б. Бурашников // Известия Саратовского университета. – 2013. – № 2. – С. 65–69.
8. **Коломойцева, А. Ю.** К вопросу об эксплуатации основного экспортного трубопровода Баку–Гбилиси–Джейхан / А. Ю. Коломойцева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 8. – С. 102–109.
9. **Сучкова, Е. П.** Противостояние на Каспии: борьба за ресурсы в XXI в. / Е. П. Сучкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 8. – С. 38–39.
10. **Оздемир, В.** Энергетическая дипломатия Турции / В. Оздемир, И. А. Гулиев // Вестник МГИМО Университет. – 2016. – № 2. – С. 101–110.
11. **Троицкий, Е. Ф.** Политика Турции в Центральной Азии (1992–2000 гг.) / Е. Ф. Троицкий // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 238. – С. 84–88.
12. **Socor, V.** Interest rebounds in trans-caspian pipeline for Turkmen gas / V. Socor // The Jamestown Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://jamestown.org/program/interest-rebounds-in-trans-caspian-pipeline-for-turkmen-gas/>. – Date of access: 20.01.2019.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области энергетики / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/8316445>. – Дата доступа: 23.01.2019.
14. **Гаджиев, А. Г.** Главные аспекты энергетической стратегии Турции / А. Г. Гаджиев // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=13305>. – Дата доступа: 23.01.2019.
15. **Islam, A.K.M.I.** The US Role and Policy in Central Asia: Energy and Beyond / A.K.M.I. Islam // Arts Faculty Journal. – 2012. – № 4. – P. 33–51.

16. *Шевелёва, М.* Энергетическая политика Турции в Каспийском регионе (1998–2009 гг.) / М. Шевелёва, О. Онойко // Журнал Международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 29-35.
17. *Медведев, А. Н.* Трансафганский газопровод в системе экспортных трубопроводных проектов Туркменистана и перспективы их реализации / А. Н. Медведев // Пути к миру и безопасности. – 2014. – С. 107–118.

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.
Контакты: nurya.dzhan.09@mail.ru
(Худайбердиева Нурбиби Хулагулыевна)

Khudaiberdieva N. TURKEY'S ENERGY POLICY IN THE 1990s AND THE PLACE OF TURKMENISTAN IN IT.

The article considers the issue of energy policy in Turkey in the context of the development of the Turkmen-Turkish dialogue in the 1990s. A number of factors have been analyzed including the economic growth of Ankara in the 1980s, its participation in European integration, the emergence of new independent republics in Central Asia and their influence on the development of energy contacts, the transit potential of Turkmenistan. Perspectives of energy contacts between Turkey and Turkmenistan as well as possible difficulties in this sphere are presented.

Keywords: Turkey, energy, economy, Turkmenistan, the Caspian Sea, pipeline.